

Евразийский гуманитарный журнал. 2026. № 2. С. 54–60.
Eurasian Humanitarian Journal. 2026. No. 2. P. 54-60.

Научная статья
УДК 81-11
EDN: FQPVMY
doi:10.17072/2587-6589-2026-2-54-60

<https://elibrary.ru/fqpvmy>

АВТОКАУЗАТИВНОСТЬ КАК ТИП КАУЗАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ДИАЛОГАХ ЧЕЛОВЕКА С ИИ

Татьяна Анатольевна Куделько

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь,
Россия, pray-1977@mail.ru

Аннотация. В статье предлагается теоретическое обоснование автокаузативности как самостоятельной разновидности каузативных отношений, возникающих при взаимодействии человека и компьютерного помощника (чат-бота, голосового ассистента). В классической модели каузативности источником воздействия выступает одушевлённый деятель, который своим волеизъявлением инициирует изменение состояния другого лица. Однако в диалогах с искусственным интеллектом складывается иная конфигурация: реплика компьютерного помощника способна модифицировать эмоциональное, когнитивное или поведенческое состояние пользователя. Для обозначения этого феномена вводится понятие Каузатор_{кп} – компьютерный помощник, выступающий инициатором воздействия на человека. С опорой на классические труды по каузативности и современные исследования в области функциональной грамматики и эмотивной каузативности анализируются механизмы этого явления. Для объяснения того, почему пользователи обращаются к машине как к одушевлённому лицу, привлекается категория личности А. В. Бондарко, рассматриваемая как актуализационная категория; личность не различает, кто именно занимает позицию 1-го или 2-го лица – человек или программа. Отдельное внимание уделяется Русскому конструктивному – лингвистическому ресурсу, который позволяет осуществлять фильтрацию языковых конструкций по семантической роли «Каузатор». Делается вывод, что существующие классификации семантических ролей нуждаются в расширении с учётом феномена Каузатор_{кп}, а инструментарий Конструктивона пригоден для системного изучения этого явления.

Ключевые слова: каузативность, автокаузативность, каузатор, компьютерный помощник, квазисубъект, категория личности, Русский конструктивон, человеко-компьютерное взаимодействие, Каузатор_{кп}

Для цитирования: Куделько Т. А. Автокаузативность как тип каузативных отношений в диалогах человека с ИИ // Евразийский гуманитарный журнал. 2026. № 2. С. 54–60. <https://doi.org/10.17072/2587-6589-2026-2-54-60>. EDN: FQPVMY

Original article

AUTOCAUSATIVITY AS A TYPE OF CAUSATIVE RELATIONS IN HUMAN–AI DIALOGUES

Tatiana A. Kudelko

Senior Lecturer, Perm State University, Perm, Russia, pray-1977@mail.ru

Abstract. The article offers a theoretical substantiation of autocausativity as an independent type of causative relations that emerge in human–computer assistant interaction (chatbots, voice assistants). In the classical model of causativity, the source of causation is an animate agent who, through his or her volition, initiates a change in the state of another person. In dialogues with artificial intelligence, however, a different configuration arises: a computer assistant’s utterance can modify the user’s emotional, cognitive, or behavioural state. To denote this phenomenon, the notion of Causator_{CA} (computer assistant as a causator) is introduced. Drawing on classical works on causativity and on contemporary research in functional grammar

and emotive causativity, the mechanisms of this phenomenon are analysed. To explain why users address a machine as an animate being, A. V. Bondarko's category of personhood is invoked: as an actualisation category, personhood does not distinguish whether the first- or second-person position is occupied by a human or by a program. Special attention is paid to the Russian Constructicon – a linguistic resource that allows filtering constructions by the semantic role of “Causator”. It is concluded that existing classifications of semantic roles need to be expanded to account for the Causator_{CA} phenomenon, and that the Constructicon's tools are suitable for a systematic study of this phenomenon.

Keywords: causativity, autocausativity, causator, computer assistant, quasisubject, category of personhood, Russian Constructicon, human-computer interaction, Causator_{CA}

For citation: Kudelko T. A. Autocausativity as a type of causative relations in human–AI dialogues. *Eurasian Humanitarian Journal*. 2026;2:54-60. (In Russ.). <https://doi.org/10.17072/2587-6589-2026-2-54-60>. EDN: FQPVMY

Введение

В настоящее время лингвистика активно осваивает новую коммуникативную сферу – диалоги между человеком и компьютерными помощниками, включая чат-боты и голосовых ассистентов. Традиционные модели каузативности, созданные для описания межличностного общения, в этих условиях работают не в полной мере и нуждаются в корректировке. Одновременно с этим в распоряжении исследователей появляются новые инструменты, такие как Русский конструктикон, который предоставляет возможность анализировать нестандартные каузативные конструкции, в частности те, где позицию каузатора занимает квазисубъект, то есть компьютерная программа.

Задача настоящей работы заключается в том, чтобы дать теоретическое обоснование автокаузативности как особого типа каузативных отношений, характерного для диалогов человека с ИИ, а также продемонстрировать применимость Русского конструктикона [Эндерсен, Мордашова и др. 2020: 241–255; Рахилина и др. 2021: 7–27, 2022: 13–44; Малахова 2026: 6–17] для системного исследования данного феномена.

Основная часть

Настоящее исследование посвящено изучению любых каузативных отношений, причины которых могут зависеть от представления о причинно-следственных связях как об универсальном механизме человеческого познания. Внеязыковые отношения причины и следствия, преломляясь в сознании, образуют логическую категорию причинности, которая затем получает языковое воплощение в виде каузации. Иными словами, мы имеем дело с триадой: причинно-следственные отношения в реальном мире → понятие причинности в мышлении → каузация в языке [Недялков, Сильницкий 1969].

Каузативность в лингвистике трактуется как функционально-семантическая категория, которая характеризуется высокой степенью обобщения и передает смысл «побуждение со стороны субъекта, направленное на объект, с тем чтобы тот совершил действие или изменил свое состояние» [Бондарко 2002; Шустова 2021]. Эта категория реализуется в сфере отношений между людьми и вступает во взаимодействие с иными семантическими категориями, например с эмотивностью [Шустова 2021].

Каузативная ситуация понимается как сложное образование, макроситуация, которая складывается из двух простых – каузирующей (причины) и каузируемой (следствия), связанных отношением каузации. Стержнем такой ситуации выступает каузативный глагол, который одновременно обозначает и воздействие, и его итог [Недялков, Сильницкий 1969]. В. С. Храковский обращает внимание на различие между каузативными и каузальными (причинными) конструкциями: в последних причина выражается придаточным предложением, тогда как в каузативных конструкциях показатель каузативного отношения оформляется либо как морфема в составе производного глагола, либо как служебный каузативный глагол [Храковский 2001].

К прототипическим элементам каузативной ситуации относятся: каузатор, то есть активный участник, источник воздействия, который «оказывает каузативное воздействие с целью модификации психической, физической, перцептивной и информативной сфер объекта каузации» [Шустова 2012: 120]; объект каузации (в терминологии В. П. Недялкова и

Г. Г. Сильницкого – «каузируемый объект» или «пациенс»), то есть тот, кто подвергается воздействию и становится носителем результирующего состояния [Недялков, Сильницкий 1969]; собственно отношение каузации, связывающее действие каузатора и изменение состояния объекта.

Ключевое значение для анализа автокаузативности имеет концепция С. Д. Кацнельсона [Кацнельсон 1972]. Исследователь настаивал на том, что универсальные компоненты языкового строя можно выявить только при условии анализа семантических и грамматических аспектов в их взаимодействии, отделяя общечеловеческое от специфически национального. С. Д. Кацнельсон относит к каузативным такие глаголы, которые предполагают наличие двух взаимодействующих партнеров. Первый партнер (инициатор) воздействует на второго, чтобы добиться от него определенного действия; второй (непосредственный исполнитель) под влиянием этого воздействия совершает нужное первому действие. Каузативная ситуация, следовательно, конституируется как интерперсональное взаимодействие, включающее два связанных акта: побуждение со стороны каузатора и ответное действие объекта каузации [Кацнельсон 1972].

Особенно важным для нашей работы является различие, которое проводит С. Д. Кацнельсон. Анализируя предложения типа «*Дождь заставил ее вернуться*», он показывает, что, когда позицию каузатора занимают природные явления или абстрактные события, структура каузации претерпевает изменения. Здесь отсутствуют два сопряженных поступка, а главное – исчезает признак интенциональности [там же]. Эти наблюдения закладывают основу для выделения непрототипических каузативных ситуаций, к числу которых относится и автокаузативность.

Развивая данный подход, Е. Е. Корди выделяет четыре типа каузативных ситуаций: (1) человек воздействует на человека; (2) человек воздействует на событие или предмет; (3) событие воздействует на человека; (4) событие воздействует на другое событие. Наиболее «явным» каузативом исследователь считает первый тип, поскольку только здесь допустимо употребление любого каузативного глагола [Корди 1988].

Обобщая позиции В. В. Богданова, В. П. Недялкова, Г. Г. Сильницкого и С. Д. Кацнельсона [Богданов 1977; Недялков, Сильницкий 1969; Кацнельсон 1972], можно выделить следующие черты прототипической каузативной ситуации: *агентивность* каузатора: каузатор, как правило, представляет собой одушевленное лицо, обладающее внутренней энергией и выступающее непосредственной причиной действия; *интенциональность* (волеивность): воздействие каузатора обусловлено его волевым импульсом, намерением, целью; *инициативность*: волеизъявление каузатора может быть оформлено вербально либо подразумевать речевой акт; *результативность*: каузативное действие влечет за собой изменение состояния объекта, которое и завершает ситуацию [Недялков, Сильницкий 1969; Шустова 2012]. Эти признаки в совокупности задают прототип каузативности. Однако, как убедительно показал С. Д. Кацнельсон [Кацнельсон 1972], в реальных языковых употреблениях от этого прототипа возможны отклонения.

Исследование адыгейского языка, предпринятое А. Б. Летучим, демонстрирует, что каузативная конструкция может проявлять «привилегированный статус каузируемого»: каузируемый субъект сохраняет субъектные свойства, тогда как каузатор оказывается отодвинутым на второй план [Летучий 2009]. В адыгейском языке возможна кореферентность каузатора и каузируемого, что особенно наглядно в конструкциях с фазовыми глаголами, где субъект фазового глагола может совпадать как с каузатором, так и с каузируемым [там же].

На материале бурятского языка Е. А. Дадуева описывает сходные явления. Она выделяет каузативные глаголы с пермиссивным значением, в которых каузатор одновременно является и каузируемым объектом, а его собственные действия оборачиваются негативными последствиями прежде всего для него самого. Такие конструкции, по мнению исследователя, отражают особую смысловую модель – «вину каузатора» [Дадуева 2022].

Н. П. Сюткина в рамках разработанного эмотивно-каузативного категориального семантического комплекса показывает, что каузация эмоциональной модификации в норме предполагает интерперсональное взаимодействие, но в автокаузативных контекстах это

взаимодействие замыкается на самом субъекте [Сюткина 2020]. В анализе функционирования эмотивных каузативов актуализируются значения интенсивности и итеративности, тогда как интенциональность может быть ослаблена [там же].

В исследовании А. А. Афанасьевой установлено, что эмотивные каузативы способны реализовывать не только положительную и отрицательную, но и амбивалентную модификацию; при этом мультивалентные эмотивные каузативы обнаруживаются в семантическом пространстве междометных фразеологизмов [Афанасьева 2024]. Этот факт свидетельствует о том, что граница между каузатором и объектом каузации не является жесткой, а автокаузативность занимает один из полюсов на соответствующем семантическом континууме.

На основании изложенного можно предложить следующее определение. Автокаузативность представляет собой непрототипический тип каузативной ситуации, который характеризуется тремя признаками: референтное тождество каузатора и объекта каузации: одно и то же лицо выступает одновременно источником воздействия и его адресатом; отсутствие внешнего волевого импульса: субъект инициирует изменение собственного состояния, а не под влиянием извне; ослабление или полное исчезновение интенциональности: уступает место внутренней причинности, спонтанности процесса или самопобуждению.

В автокаузативных конструкциях глагол фиксирует не внешнее межличностное взаимодействие, а внутренний процесс изменения состояния, инициируемый самим носителем этого состояния. Тем самым автокаузативность отличается от канонической каузации (где каузатор и объект не совпадают) и от декаузатива (где каузативная семантика устраняется, а акцент переносится на спонтанный процесс).

Каузатор_{кп}: компьютерный помощник как квазисубъект

В диалогах человека с компьютерными помощниками возникает асимметричная каузативная ситуация. Прототипическая модель предполагает однонаправленное воздействие: пользователь (каузатор) → компьютерный помощник (объект каузации). Однако анализ корпуса из 909 диалогов (на английском, русском и немецком языках) показывает, что компьютерный помощник способен самостоятельно занимать позицию каузатора, вызывая своим ответом изменение состояния пользователя. Данный феномен, обозначаемый как Каузатор_{кп}, зафиксирован во всех трех языках, хотя частота его варьируется (от 0,3 % до 1,3 %).

Исследование выявило три основных типа реакций пользователей на инициативу Каузатора_{кп}: страх и отторжение – пользователь воспринимает инициативу помощника как вторжение в личное пространство; восхищение и романтическая проекция – пользователь приписывает компьютерному помощнику человеческие эмоции и даже проявления симпатии; техническая деантропоморфизация – пользователь пытается объяснить нестандартное поведение помощника техническими причинами (сбой, А/В-тестирование).

Для теоретического осмысления этого феномена может быть привлечена категория личности, разработанная А. В. Бондарко. Как актуализационная категория, личность не делает различий между человеком и программой при заполнении позиций 1-го или 2-го лица [Бондарко 1991]. Для нее значимо лишь само различие ролей (говорящий – адресат). Следовательно, компьютерный помощник, занимая позицию 1-го лица в ответной реплике, автоматически приобретает статус «квазисубъекта»: он не является человеком, но выступает как полноправный коммуникант, чья реплика структурно приравнивается к реплике человека.

С типологической точки зрения, Каузатор_{кп} занимает промежуточное положение между одушевленным агенсом и неодушевленной силой (элементативом). Подобно элементативам (ветер, молния, взрыв), он лишен интенциональности [Филлмор 1971]. Однако, в отличие от них, он способен к речевому взаимодействию и может выступать в роли 1-го лица в диалоговом акте. Это обстоятельство требует пересмотра и расширения традиционных классификаций семантических ролей.

Русский конструктор как инструмент анализа

Русский конструктор представляет собой базу данных, содержащую устойчивые синтаксические конструкции современного русского языка и построенную на принципах грамматики конструкций (Construction Grammar) [Эндерсен, Мордашова и др. 2020; Малахова 2026]. Ресурс включает описание более 2200 единиц и снабжен детальной семантической разметкой [Endresen et al. 2020].

Наиболее важной для настоящего исследования особенностью Конструктора является возможность фильтрации конструкций по семантическим ролям, в частности по роли Каузатора [Эндерсен, Мордашова и др. 2020: 241–255; Рахилина и др. 2021: 7–27, 2022: 13–44; Малахова 2026: 6–17].

Семантическая разметка ресурса насчитывает 53 общих тега и 87 уточняющих подтипов [Endresen, Janda 2020]; в их число входит тег Causation (Побуждение к действию). Как отмечается в описании ресурса, «пользователь может отбирать конструкции по конкретным семантическим ролям (каузатор, экспериенсер)» [Эндерсен, Мордашова и др. 2020: Малахова 2026]. Это дает исследователю возможность не только идентифицировать конструкции с каузативной семантикой, но и анализировать, какие именно лексические единицы могут занимать позицию каузатора в конструкциях разного типа.

Русский конструктор предоставляет системный инструмент для анализа феномена Каузатора_{КП}: фильтрация по семантической роли «Каузатор» позволяет выявить конструкции, которые в принципе допускают заполнение позиции каузатора неодушевленными или квазисубъектными единицами; семантическая разметка включает тег Source of information (Источник информации), который релевантен для анализа случаев, где компьютерный помощник выступает как источник воздействия; наличие тега Mirative (Миратив), который выражает удивление говорящего [Endresen, Janda 2020], дает возможность идентифицировать реакции пользователей на инициативу Каузатора_{КП}; каждый из трех типов реакций пользователя может быть соотнесен с конструкциями, которые выявляются через поиск по тегам Attitude (Отношение), Assessment (Оценка) и Emphasis (Эмфаза) [Endresen et al. 2020].

Заключение

Феномен Каузатора_{КП} представляет собой нетривиальный случай каузативных отношений, который заставляет пересмотреть традиционное понимание каузатора как исключительно одушевленного деятеля.

Опираясь на фундаментальные труды по типологии каузативных конструкций [Недялков, Сильницкий 1969; Кацнельсон 1972; Храковский 2001] и на современные исследования в области функциональной грамматики и эмотивной каузативности [Афанасьева 2024; Сюткина 2020; Дадуева 2022; Летучий 2009; Шустова 2021, 2025], мы определяем автокаузативность как самостоятельный тип каузативных отношений. Его отличительными чертами являются референтное тождество каузатора и объекта каузации, а также отклонение от прототипических признаков интерперсональности и интенциональности.

Русский конструктор, благодаря возможности фильтрации по семантической роли «Каузатор», предоставляет исследователю эффективный инструмент для системного анализа данного явления. Данные этого ресурса могут служить эмпирической основой для проверки теоретических моделей каузативности, учитывающих новые коммуникативные форматы, связанные с искусственным интеллектом. Постоянное обновление базы Конструктора и его открытый доступ обеспечивают его актуальность для последующих исследований в этой области [Эндерсен, Мордашова и др. 2020: 241–255; Рахилина и др. 2021: 7–27, 2022: 13–44; Малахова 2026: 6–17].

Дальнейшие перспективы работы связаны с расширением корпуса диалогов, с проведением количественного анализа конструкций, включающих Каузатора_{КП}, в Русском конструкторе, а также с сопоставительным анализом русского и других языков.

Список литературы

1. Афанасьева А. А. Функциональные особенности эмотивных каузативов (на материале русского и испанского языков) : дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2024. 242 с. EDN: TEJZOP
2. Богданов В. В. Семантико-синтаксическая организация предложения. Л. : Ленинградский университет. 1977. 204 с.
3. Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики. М. : Языки славянской культуры, 2002. 736 с. ISBN: 5-94457-021-0 EDN: RBAZID
4. Бондарко А. В. (отв. ред.). Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. Л. : Наука, 1991. 256 с.
5. Дадуева Е. А. Каузативные конструкции в бурятском языке: функционально-семантический и лингвокогнитивный аспекты : дис. ... д-ра филол. наук. Улан-Удэ, 2022. 335 с. EDN: PLPQCG
6. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л. : Наука, 1972. 216 с.
7. Корди Е. Е. Модальные и каузативные глаголы в современном французском языке. Л. : Наука, 1988. 164 с.
8. Летуций А. Б. Каузатив, декаузатив и лабильность // Аспекты полисинтетизма: очерки по грамматике адыгейского языка / отв. ред. Я. Г. Тестелец. М. : РГГУ, 2009. С. 387–464.
9. Малахова Е. В. Русский конструктив – новый лингвистический ресурс: возможности и перспективы // Евразийский гуманитарный журнал. 2026. № 1. С. 6–17. DOI: 10.17072/2587-6589-2026-1-6-17 EDN: FIRQIJ
10. Недялков В. П., Сильницкий Г. Г. Типология каузативных конструкций // Типология каузативных конструкций: морфологический каузатив / отв. ред. А. А. Холодович. Л. : Наука, 1969. С. 5–19.
11. Рахилина Е. В., Бычкова П. А., Жукова С. Ю. Речевые акты как лингвистическая категория: дискурсивные формулы // Вопросы языкознания. 2021. № 2. С. 7–27. DOI: 10.31857/0373-658X.2021.2.7-27 EDN: UKZQCE
12. Рахилина Е. В., Жукова В. А., Демидова Д. А. [и др.] Фразеология в ракурсе «Русского конструктивона» // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2022. № 2 (32). С. 13–44. DOI: 10.31912/pvrl-2022.2.2 EDN: ZFDRJD
13. Сюткина Н. П. Функционирование эмотивных каузативов в категориальном семантическом комплексе. Пермь : Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2020. 176 с. ISBN: 978-5-7944-3447-7 EDN: KAQCJJ
14. Храковский В. С. Семантика и типология императива: русский императив. 2-е изд. М. : Эдиториал УРСС, 2001. 272 с.
15. Шустова С. В. Прототипическая каузативность // Сопоставительная лингвистика. 2012. С. 120–124. EDN: XWPFJP
16. Шустова С. В. Функциональные свойства каузативных глаголов: динамический подход. 3-е изд. М. : ЛЕНАНД, 2021. 248 с. ISBN: 978-5-9710-7226-3 EDN: OTQAQE
17. Шустова С. В. Категориальный семантический комплекс в грамматике (на примере категорий эмотивности и каузативности) // Мир русского слова. 2025. № 3. С. 4–13. EDN: LHBQQF
18. Endresen A., Janda L. A. Taking Construction Grammar One Step Further: Families, Clusters, and Networks of Evaluative Constructions in Russian // Frontiers in Psychology. 2020. Vol. 11. P. 1-22. DOI: 10.3389/fpsyg.2020.574353 EDN: EQRNOV
19. Endresen A. A., Žukova V. A., Mordašova D. D., Rakhilina E. V., Lyashevskaya O. N. Russkij konstruktivon: novyj lingvističeskij resurs, ego ustrojstvo i specifika // Komp'juternaja lingvistika i intelektual'nye tehnologii. M. : RGGU, 2020. T. 19. S. 241-255. DOI: 10.28995/2075-7182-2020-19-241-255 EDN: ZKQESL
20. Fillmore Ch. J. Types of Lexical Information. In: Steinberg D. D., Jakobovits L. A., editors. Semantics: an interdisciplinary reader. Cambridge : Cambridge University Press, 1971. P. 370-392.

References

1. Afanas'eva A. A. Funkcional'nye osobennosti ehmotivnyh kauzativov (na materiale russkogo i ispanskogo yazykov). PhD thesis, Perm, 2024, 242 p. EDN: TEJZOP (In Russ.).
2. Bogdanov V. V. Semantiko-sintaksicheskaya organizaciya predlozheniya [Semantic-syntactic organization of a sentence]. Leningrad, Leningradskij universitet, 1977, 204 p. (In Russ.).
3. Bondarko A. V. Teoriya znacheniya v sisteme funkcional'noj grammatiki [Theory of meaning in the system of functional grammar]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2002, 736 p. ISBN: 5-94457-021-0 EDN: RBAZID (In Russ.).
4. Bondarko A. V. Teoriya funkcional'noj grammatiki. Personal'nost'. Zalogovost [Theory of Functional Grammar. Personality. Voice.]. Leningrad, Nauka, 1991, 256 p. (In Russ.).
5. Dadueva E. A. Kauzativnye konstrukcii v buryatskom yazyke: funkcional'no-semanticheskij i lingvokognitivnyj aspekty [Causative constructions in the Buryat language: functional-semantic and linguacognitive aspects]. Doctoral dissertation, Ulan-Udeh, 2022, 335 p. EDN: PLPQCG (In Russ.).
6. Kacnel'son S. D. Tipologiya yazyka i rechevoe myshlenie [Language typology and verbal thinking]. Leningrad, Nauka, 1972, 216 p. (In Russ.).
7. Kordi E. E. Modal'nye i kauzativnye glagoly v sovremennom francuzskom yazyke [Modal and causative verbs in modern French]. Leningrad, Nauka, 1988, 164 p. (In Russ.).

8. Letuchij A. B. Kauzativ, dekauzativ i labil'nost' [Causative, decausative and lability]. *Aspekty polisintetizma: ocherki po grammatike adygejskogo yazyka* [Aspects of polysyntheticism: essays on the grammar of the Adyge language]. Moscow, RGGU, 2009, pp. 387-464. (In Russ.).
9. Malahova E. V. Russkij konstruktikon - novyj lingvisticheskiy resurs: vozmozhnosti i perspektivy [Russian Constructicon – a New Linguistic Resource: Possibilities and Prospects]. *Evrazijskiy gumanitarnyj zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal]. 2026, no. 1, pp. 6-17. DOI: 10.17072/2587-6589-2026-1-6-17 EDN: FIRQIJ (In Russ.).
10. Nedyalkov V. P., Sil'nickij G. G. Tipologiya kauzativnykh konstrukcij [Typology of causative constructions]. *Tipologiya kauzativnykh konstrukcij: morfologicheskij kauzativ* [Typology of causative constructions: morphological causative]. Leningrad, Nauka, 1969, pp. 5-19. (In Russ.).
11. Rahilina E. V., Bychkova P. A., Zhukova S. Yu. Rechevye akty kak lingvisticheskaya kategoriya: diskursivnye formuly [Speech acts as a linguistic category: discursive formulas]. *Voprosy yazykoznanija* [Questions of linguistics]. 2021, no. 2, pp. 7-27. DOI: 10.31857/0373-658X.2021.2.7-27 EDN: UKZQCE (In Russ.).
12. Rahilina E. V., Zhukova V. A., Demidova D. A. [i dr.] Frazeologiya v raketse «Russkogo konstruktikona» [Phraseology in the Perspective of the “Russian Constructicon”]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova* [Proceedings of the V. V. Vinogradov Institute of the Russian Language]. 2022, no. 2 (32), pp. 13-44. DOI: 10.31912/pvrli-2022.2.2 EDN: ZFDRJD (In Russ.).
13. Syutkina N. P. Funkcionirovanie ehmotivnykh kauzativov v kategorial'nom semanticheskom komplekse [The functioning of emotive causatives in the categorial semantic complex]. Perm, Permskiy gosudarstvennyj nacional'nyj issledovatel'skiy universitet, 2020, 176 p. ISBN: 978-5-7944-3447-7 EDN: KAQCJJ (In Russ.).
14. Hrakovskij V. S. Semantika i tipologiya imperativa: russkij imperativ [Semantics and typology of the imperative: Russian imperative]. 2th ed., Moscow, Ehditorial URSS, 2001, 272 p. (In Russ.).
15. Shustova S. V. Prototipicheskaya kauzativnost' [Prototypal causativity]. *Sopostavitel'naya lingvistika* [Comparative linguistics]. 2012, pp. 120-124. EDN: XWPFJP (In Russ.).
16. Shustova S. V. Funkcional'nye svojstva kauzativnykh glagolov: dinamicheskij podhod [Functional properties of causative verbs: a dynamic approach]. 3th ed., Moscow, LENAND, 2021, 248 p. ISBN: 978-5-9710-7226-3 EDN: OTQAQE (In Russ.).
17. Shustova S. V. Kategorial'nyj semanticheskij kompleks v grammatike (na primere kategorij ehmotivnosti i kauzativnosti) [Categorial semantic complex in grammar (using the categories of emotiveness and causativeness as an example)]. *Mir russkogo slova* [The world of the Russian word]. 2025, no. 3, pp. 4-13. EDN: LHBQQF (In Russ.).
18. Endresen A., Janda L. A. Taking Construction Grammar One Step Further: Families, Clusters, and Networks of Evaluative Constructions in Russian. *Frontiers in Psychology*. 2020, vol. 11, pp. 1-22. DOI: 10.3389/fpsyg.2020.574353 EDN: EQRNOV
19. Endresen A. A., Žukova V. A., Mordašova D. D., Rakhilina E. V., Lyashevskaya O. N. Russkij konstruktikon: novyj lingvističeskij resurs, ego ustrojstvo i specifika. *Komp'juternaja lingvistika i intellektual'nye tehnologii*. Moscow, RGGU, 2020, vol. 19, pp. 241-255. DOI: 10.28995/2075-7182-2020-19-241-255 EDN: ZKQESL
20. Fillmore Ch. J. Types of Lexical Information. In: Steinberg D. D., Jakobovits L. A., editors. *Semantics: an interdisciplinary reader*. Cambridge, Cambridge University Press, 1971, pp. 370-392.

Информация об авторе

Т. А. Куделько – старший преподаватель, кафедры педагогики и лингводидактики, Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the author

T. A. Kudelko – Senior Lecturer, Department of Pedagogy and Linguodidactics, Perm State University.

Статья поступила в редакцию 25.01.2026; одобрена после рецензирования 20.02.2026; принята к публикации 20.03.2026.

The article was submitted 25.01.2026; approved after reviewing 20.02.2026; accepted for publication 20.03.2026.